

«СИМФОНИЯ — ЗВУЧАНИЕ ИСПОВЕДИ»

Февральским утром в необычайно красивом заснеженном Санкт-Петербурге у меня состоялась интересная встреча с одним из самых известных его жителей. В своей квартире, полной книг и партитур, меня встречал Сергей Слонимский. Его искренность и дружественный настрой расположили меня к свободному общению, что всегда позволяет максимально раскрыть в беседе все затрагиваемые проблемы. Автор симфонической музыки, опер и концертов, Сергей Слонимский является одним из немногих композиторов, которые с особой щедростью посвятили часть своего творчества детской музыке. Почитатель древнегреческой философии и культуры, композитор неоднократно прибегал к античным сюжетам. Обладая красивой, богатой речью, сын писателя, Сергей Михайлович Слонимский рассказал о своей жизни и о музыке. Особенными были воспоминания о Шостаковиче.

Опубликовано: Musikis politonon (Греция). № 78. 2016.

К. П. Сергей Михайлович, вы являетесь частью большого рода известных в разных сферах деятельности людей. Ваш отец — писатель, дядя — известный музыковед. Как это повлияло на ваше композиторское (и не только) становление?

С. С. В детстве я общался с друзьями отца — писателями Михаилом Зощенко и Евгением Львовичем Шварцем. Я был ребёнком, и они — уже зрелые мастера, друзья дома, — конечно, оказали огромное влияние на моё формирование. Когда мне исполнилось восемь лет, мировая война захватила уже и Россию. Я эвакуировался, и там (мы жили в деревне) уже говорить о каких-то контактах с культурой было трудно. Вскоре мы перебрались в Пермь (тогда — город Молотов), и туда же был эвакуирован Кировский (ныне Мариинский) театр. Один из замечательных дирижёров этого театра, Исай Эзрович Шерман, стал моим учителем. Я общался со многими артистами, просто слушал их, видел их у нас в номере гостиницы в качестве гостей. Что касается моего американского дяди Николаса, то я познакомился с ним, когда мне уже исполнилось тридцать лет. Он впервые приехал в Москву как раз в дни Карибского кризиса. Я с ним очень подружился, мы постоянно переписывались. Я организовал ещё несколько его приглашений в Советский Союз, а Николай Леонидович присылал мне рецензии на исполнение моих «Антифонов» для квартета в Нью-Йорке — в Карнеги-холле, и в Лондоне, кливлендский квартет это играл по рекомендации Витольда Лютославского. Я, в свою очередь, как только появилась такая возможность, печатал его ноты. В последние годы я напечатал на русском языке в издательстве «Композитор» его книгу «Абсолютный слух», которая под нашим наблюдением была переведена на русский язык. Буквально позавчера мне передали сигнальный экземпляр знаменитого «Тезауруса» — словаря гамм и ладов, составленного Николасом, вызвавшего в своё время живой интерес и у Шёнберга, и у Онеггера, и у Хиндемита, и у Даллапикколы, у Коуэлла, у Кшенека, у многих лучших композиторов. Но русским музыкантам эта книга была неизвестна, хотя